

Евгений Прасолов

Шаги по руде

продолжение поэмы в прозе

12+

Евгений Прасолов

Шаги по руде

продолжение поэмы в прозе

Губкин
2016

ББК 65.03(2Рос-4Бел)

П 70

Ответственный за выпуск: А. Н. Горбатовский

Компьютерный дизайн: Л. В. Лыкова

Фото на обложке: П. А. Асадчих

Прасолов Е. В.

П 70

Шаги по руде : продолжение поэмы в прозе / Е. В. Прасолов ; отв. за вып. А. Н. Горбатовский ; комп. дизайн Л. В. Лыкова. – Губкин ; Старый Оскол : ООО «Ассистент плюс», 2016. – 172 с. : ил.

ББК 65.03(2Рос-4Бел)

Книга Е. В. Прасолова, члена Союза писателей России, «Шаги по руде» является продолжением в прозе написанной им ранее небольшой одноимённой поэмы. В основу книги положены, прежде всего, воспоминания ныне живущих ветеранов КМА – непосредственных участников великой «битвы» за руду, первопроходцев открытого способа добычи её на Лебединском руднике в середине 50-х годов прошлого столетия, а также отдельные воспоминания автора из жизни своей деревни Лебеди, бывшей когда-то на месте Лебединского карьера.

Уважаемые губкинцы!

У нашего края славная, самобытная история, неразрывно связанная с историей освоения Курской магнитной аномалии. Великий клад природы хранят недра Центрального Черноземья. Но главное богатство – это замечательные люди. Они – её гордость и слава.

Одним из ярких «самородков» нашего города является поэт, прозаик, журналист, член Союза писателей России и Союза журналистов России Евгений Васильевич Прасолов. Всю свою сознательную жизнь он посвятил краеведению. Зародившееся в школьные годы стремление узнать историю рудного края вылилось в книги, десятки статей о событиях, и людях, оставивших свой след в истории города.

В новой книге Е. Прасолова «Шаги по руде» собраны воспоминания геологов, строителей, горняков, металлургов, шахтеров, – всех, кого называют красивыми, гордыми словами «губкинцы-первопроходцы». Именно они осваивали залежи КМА, ежедневным кропотливым трудом создавали богатства родного края, строили город Губкин.

Примечательно, что книга издается в год празднования 145-летия Ивана Михайловича Губкина – геолога, председателя комиссии по изучению и исследованию КМА, академика Академии наук СССР, человека чье имя носит наш город.

Губкинцы бережно хранят память о прошлом своего родного края, гордятся его историей. Наследство, которое оставили первопроходцы КМА, мы должны не просто сохранять, но и преумножать. У города Губкина есть будущее, достойное великого прошлого.

Уверен, что книга вызовет интерес не только у людей старшего поколения, но и у молодежи, она рассчитана на всех, кому небезразлично недавнее прошлое, настоящее и будущее Губкинского края.

*А. Кретов, глава администрации
Губкинского городского округа*

Автор и все ветераны – первопроходцы открытого способа добычи руды на КМА выражают глубокую признательность депутату Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Руководителю Фонда «Поколение» Андрею Скочу за финансовую поддержку издания книги.

Отдельная благодарность администрации Губкинского городского округа, городскому Совету ветеранов, сотрудникам центральной городской библиотеки за помощь в решении организационных вопросов при подготовке книги к изданию.

Расплескались утренние зори
Над Ямскою степью заповедной,
И застыли всполохи в узорах
Буйных трав над чашею карьерной...

Поэма «Шаги по руде»

О чём эта книга?

О том, как в середине 20-го века среди заповедных степей и дубрав, живописных лугов и полей родился на губкинской земле святого Белогорья долгожданный «Первенец» – первенец открытой разработки железной руды на КМА – Лебединский рудник.

«Роженицей» была моя деревня Лебеди, – о ней эта книга. А в роли «повитух», коими на Руси испокон веков называли тех, кто принимал роды и своё участие в дальнейшей судьбе младенца, в этой роли у моей «роженицы» были водители большегрузных самосвалов, буровики, взрывники, экскаваторщики. О них эта книга. И ещё о том, как делал этот «Первенец» свои первые шаги – шаги по руде, невероятно трудные. Делал и постепенно, набирая силу, превращался в могучего богатыря, каким стал сегодня Лебединский ГОК. Об этом эта книга.

В основу книги положены, прежде всего, воспоминания ныне живущих ветеранов КМА – непосредственных участников великой «битвы» за руду, первопроходцев открытого способа добычи её на Лебединском руднике в середине 50-х годов прошлого столетия, а также записанные ранее в личных авторских беседах с ветеранами или полученные из архивных

источников. Наряду с этим, автор поместил в книгу (1-я часть) и некоторые свои воспоминания из жизни Лебедей, стремясь сохранить и закрепить в памяти современников и будущих потомков образ своей родной деревни, бывшей когда-то на месте Лебединского карьера.

Фото – автора и из семейных архивов ветеранов, а также из архивов П. Асадчих, газеты «Рабочая трибуна», Губкинского краеведческого музея, музея КМА.

Автор

История написания книги (почти мистическая)

Как-то поздним вечером звонит мой мобильник. Некто, представившийся Масленниковым, ветераном автохозяйства №8 Лебединского рудника, просит от имени таких же, как он, ветеранов начала строительства Лебединского карьера написать о них книгу. Не статью в газету, а – книгу! Происходит такой, примерно, диалог.

Я: А почему вы обратились именно ко мне?

М: Так вы же из Лебедей, которые мы, работники Лебединского рудника, потом снесли.

Я: Я книг не пишу. Тем более – по заказу. Ну, писал стихи, иногда небольшие рассказы, это я и издавал. Обратитесь лучше в свою, ГОКовскую, газету «Рабочая трибуна», они и так о вас пишут и вообще... Тем более, в 2019 году Лебединский ГОК отмечает большой юбилей, журналисты будут много писать, в том числе и о вас.

М: Во-первых, многие из нас до этой даты могут не дожить, нас и так уже мало осталось. А во-вторых, журналисты эти не жили в Лебедах.

Я: Когда вы начали рыть карьер, я уехал учиться в другой город, а чтобы писать о вас сейчас, надо было вместе с вами вариться в этой каше тогда.

М: Мы вам напишем свои воспоминания...

Я (почти уже с раздражением): Ну, так и отнесите их потом в «Рабочую трибуну»!

М: Но вы же росли в Лебедах....

И далее в том же духе. Минут 20! Я согласия своего в тот вечер не дал, но и отказа полного – тоже. Задел он меня-таки своим упорным напоминанием, что я – лебедянский. На следующий день – снова звонок от Масленникова. Только в этот раз ветеран не представлял, насколько теперь его предложение впишется в мои новые и неожиданно возникшие в голове размышления: мне вдруг вспомнилась давно забытая история

(опубликованная, кстати, потом в городской газете под заголовком «Сон Клавы»). В этом сне моей давней, со времён юности, знакомой, с которой мы уже сто лет не виделись, явились мои деды (давно умершие), и наказали ей передать мне, чтобы я писал книгу о местах, где они когда-то жили. «Две книги напишет», – сказали они ей и показали пальцами их толщину. Испуганная Клава с трудом в течение месяца разыскала меня и передала всё, о чём говорили «деды» и что она смогла запомнить. Удивительные совпадения и даже переплетения из сказанного Клаве моими «дедами» с тем, что было установлено мною в результате моих поисков потом, в итоге привели меня к изданию книги «Там, где за речкой Оскольцом...» (её легко можно найти на сайте городской газеты «Новое время», там же подробно изложена вся эта история).

Так вот, мои размышления над предложением ветеранов - лебединцев, вывели меня (как, в своё время, и сон Клавы) на «сногсшибательное» предположение: а не являются ли упорные попытки Масленникова и его товарищей привлечь меня к написанию книги как бы продолжением неосознанного ими исполнения того «наказа», что получила когда-то во сне Клава! Ведь «они» же говорили про две книги! И даже показывали ей картину (с хатами под соломенными крышами, с грудой камней на странной телеге и пр.)! А если одна книжка («Там, где за речкой Оскольцом...») уже есть, то вполне закономерно ожидать – как предначертанное свыше – и вторую. Так что уговаривать меня много теперь Масленникову не пришлось. И уже на второй день мне звонили двое ветеранов-первопроходцев из посёлка Лебеди (возраст – за и под 90!) с просьбой о встрече. Потом пошли Лукьяновка, город, Салтыково, снова город, Сергиевка. Где они ко мне, где я к ним. А уж что вышло, пусть судит читатель. Я же лишь повторю ещё раз сказанное древними: «Я сделал, что мог. Кто может, пусть сделает лучше».

Е. Прасолов

Вместо пролога

В 2016 году исполняется 145 лет со дня рождения академика Ивана Михайловича Губкина и 60 лет от начала вскрышных работ на Лебединском карьере. Этим датам посвящается эта книга.

Сын Отечества

В стране ещё шла «Гражданская»,
Страна ещё пухла с голоду,
А за кремлёвскими стенами
Захлѣснутые нуждой
На самом высоком уровне
Ломали учёные головы:
Взаправду ли курские земли
Железной богаты рудой?

Среди осторожных критиков
Был он почти в одиночестве,

Он просто бросался в драку
(имел, знать, горячий нрав!),
Он не был «крутым» политиком,
Но был он сыном Отечества.
Он в земли поверил курские,
И он оказался прав.

А кто-то кричал: «Не осилим!
Откроем, мол, Западу двери
И в помощь попросим немцев,
В концессию всё им сдав...»
Он первый, может, в России

В моих земляков поверил
И к чёрту послал иноземцев!
И он оказался прав.

Не знаю, какую мерою
Оценят потомки прошлое.
Мой край! Эти шахты с карьерами
Средь вольных степей и дубрав...
И город мой названный именем,
Кто верил почти в невозможное!
И в нашу он память верил.
И он оказался прав!

Е. Прасолов. Поэма «Шаги по руде»

Жили – были Лебеди

**Уходящее село Лебеди
и нарождающийся Лебединский карьер
1957 г.**

Лебеди

*Я проведаль бы сторону,
Где родился и рос,
Поделил бы с ней поровну
Эту память до слёз,
Но за синюю кромкою
В необъятный размер
Лишь бездонной воронкою
Лебединский карьер.*

Поэма «Шаги по руде»

Деревня Лебяжья - село Лебеди – посёлок Мирный – микрорайон Лебеди в городе Губкине – такую трансформацию не только по названию, но и по географии своего расположения, претерпело, начиная с 17 века, село Лебеди, бывшее когда-то на месте сегодняшнего карьера Лебединского горно-обогатительного комбината. Оно возникло во второй половине 17 столетия как однодворческое поселение у живописной поймы небольшой речушки Осколец. С южной стороны поймы имелось небольшое озерцо, которое питали незамерзающие ключи, и само это озерцо замерзало лишь в сильные морозы. Сюда-то, по рассказам стариков, и прилетали лебеди, давшие название селу.

Постепенно разрастаясь, село стало делиться по названиям Прулепово (Прилепы), Монастырь, Село, Моздовка, Хутор, сохраняя и своё общее название. В 50-х годах прошлого столетия в связи с начавшимся интенсивным строительством Лебединского карьера начался и не менее интенсивный снос села Лебеди. словно и впрямь стая лебедей снялась в урочный час с мест своих гнездовых и, разлетевшись по округе, осталась лишь в памяти тех, кто жил здесь. Но ведь и память эта будет жить, пока будут живы свидетели, а уже сегодня многие молодые люди уверенно заявляют, что Лебединский ГОК получил своё название от нынешнего посёлка Лебеди, не

подозревая, что он сам унаследовал это название от моего села. Позволь же, читатель, хотя бы в нескольких не рисованных картинах показать его, это село, и пусть эти воспоминания станут как бы ещё одним прощальным взмахом прошлого моего родного края его уже прославленному «настоящему» и, верю, ещё более славному «будущему».

Село моё Лебеди (картина первая)

*И под ветви кустистые,
Будто солнца лучи,
Изумительно чистые
Пробивались ключи.*

Поэма «Шаги по руде»

Село моё Лебеди, моё детство! Два ряда домов с прохуdivшимися соломенными, очень редко - камышовыми, крышами. Село было большое. Не помню, сколько дворов было в нём, но во время войны без малого 300 моих односельчан ушли защищать Родину и не вернулись...

С одной стороны деревни тянулись колхозные поля, за ними – Ямская степь, а по другую сторону, прямо за огородами, начинались знаменитые «низы». Они были знамениты тем, что там из-под земли били холодные ключи, и вода в них была изумительно чистой и очень вкусной. По «низам» вдоль деревни тянулись в тени верб и осокорей колодцы, родники и самодельные «копанки», в которых наши матери и бабушки замачивали холсты и стирали бельё. А за «копанками» начинался луг. Каждую весну он заливался водой, туда прилетали утки, кулики, чибисы, и не только луг, но вся наша деревня наполнялась их криками. Летом луг покрывался цветами и густой травой, и мы, мальчишки и девчонки, шли туда

часто не только поиграть, но и поесть чего-нибудь. Мы ели кислицу, молодые корни куги и осоки, конский щавель, попури, петушки... Впрочем, легче перечислить, чего мы в то голодное послевоенное время не ели.

...Я стою на борту огромной чаши – карьера, где-то здесь была окраина моих Лебедей. Конечно, я горжусь настоящим и верю в будущее своего родного края. Но...я закрываю глаза и снова вижу у «копанок» баб, выколачивающих деревянными вальками бельё, слышу надрывные крики чибисов над лугом. Моё детство, мои родные Лебеди!..

Я и Лебеди (картина вторая)

*Только вновь за далью синей-синей
Встанет наше детство грозное...
Край ты мой! Жемчужина России!
Лебеди – село моё родное!*

Поэма «Шаги по руде»

...Вот я гоню вдоль своей деревни Лебеди, по Моздовке, гусей и, насколько хватает мочи, пою, вернее ору, песни. Мне лет пять или чуть больше, но песен я знаю уже немало. В основном они – грустные, их всегда поёт моя мама, особенно когда рано утром делает что-нибудь на кухне, а мы еще спим с сестрой на печке. Сквозь сон я часто слышу это пение и теперь непроизвольно пою, как и она, - протяжно и грустно:

Эх, летят утки и два гуся.
Кого люблю, не дождуся...

Допев песню до конца, тут же затягиваю другую:

Две кукушки куковали,
Улетели на войну.
Прилетели и сказали,

Что ваш папочка в плену.

Пою с чувством - может, это про моего папу, он не пришёл с войны.

Возле одной из хат стоит кучка баб, одетых по-праздничному. Я вспоминаю, как вчера бабушка и мама говорили про какой-то праздник, в который солнце на восходе играет. Я просил маму, чтобы она сегодня разбудила меня рано утром, хотелось увидеть, как будет играть солнце. Не разбудила, – видно, пожалела. Бабы возле хаты машут мне, подзывая. Подхожу, оставив гусей на дороге.

- Жень, спой нам!

Я молчу.

- Сейчас мы дадим тебе самогончику, ты выпьешь, у тебя закружится голова, и ты нам споёшь,- говорит одна из них. Она быстро идет в хату, выносит с чем-то стакан и даёт его мне. Я знаю, что самогон пить маленьким нельзя, хотя вкус его мне неизвестен. Но ведь предлагают взрослые! Значит, можно? Я осторожно делаю пару глотков и протягиваю стакан обратно:

-Вода! – В голосе моём – разочарование, бабы громко хохочут. Но та, что меня угощала, сохраняет серьёзность:

- Подожди, подожди минуту, сейчас у тебя голова начнёт кружиться, и ты запоёшь. Я стою, жду. Бабы смотрят на меня.

- Ну..., закружилась?

Я отрицательно мотаю головой, моя искренность вызывает у них новый взрыв хохота. Иду к своим гусям.

Придя на поле, где по недавно скошенной ржи пасутся во множестве другие гуси, а в стороне резвятся их «пастухи» из нашей Моздовки, я подхожу к группе более взрослых парней и девчат и спрашиваю, играло ли сегодня утром солнце и как. Они переглядываются.

- Ну, да, - говорит один из них, я видел, как оно играло. Так здорово!

- А как?

- Ну,... на гармошке.... Да, на гармошке! Сидело и играло.

Я недоверчиво смотрю на него, затем перевожу свой взгляд на тех, кто рядом с ним, как бы ища подтверждения.

- На чём сидело?

- На лавочке, на чём же ещё,- говорит кто-то другой также серьёзно. И тут они все, видя на моём лице сомнение и обступив меня, начинают радостно вставлять, хохоча и перебивая друг друга:

- А рядом – месяц! С балалайкой! И в фуражке! А солнышко – в платочке!

Я начинаю понимать, что не должен им верить, но как же тогда слова мамы и бабушки, что сегодня рано утром солнышко будет играть?!

Остаток дня провожу в беганьи и забываю про гусей. Где искать, не знаю. Вечереет. Пустеет поле. А когда на нём не остается ни одного гусяного стада и окончательно сгущаются сумерки, группа колхозников, возвращающихся с дальнего поля, случайно натываются на меня, свернувшегoся калачиком и крепко спящего в прогретой за день солнцем борозде. Скобелев дед относит меня, сонного, на руках к нам домой. Гуси уже пришли сами раньше.

Лебедянские «философы» (картина третья)

*В смертельной схватке вал войны катился.
И хоть её исход был предрешиён,
Их мало, горняков, кто возвратился,
Их много, горняков, кто не пришёл.*

Поэма «Шаги по руде»

А вот я с моим дружкой Витькой Рыжковым. Он живёт всего через две хаты от меня, и мы с ним часто ведем беседы, сидя на траве за нашим сараем. Беседуем о разном, но чаще - о наших погибших на войне отцах, о войне. Например, победим мы американцев, если они нападут на нас, или нет?

- Конечно, победим!- говорю я солидно. – Гражданская война вон какая была и то победили!

- И Отечественная война тоже – вон какая была!- говорит не менее солидно Витька. И мы соглашаемся друг с другом.

Слова «гражданская», «отечественная», слышанные нами от старших, ни о чём нам не говорят, но слово «война» мы хорошо понимаем.

Помощник в доме (картина четвёртая)

*Здесь у древних, у седых курганов,
Увидал с друзьями я впервые,
Как шатрами половецких станов
Поднимались вышки буровые.*

Поэма «Шаги по руде»

Я уже подросток, уже я в четвёртом или в пятом классе. Отсутствие отца ощущаю всё острее и всё безнадежней: за эти годы, если был бы жив, уже пришёл бы. И всё чаще на смену сиротливой беспомощности приходит желание быть в доме не только помощником матери (рвать поросёнку траву, поливать и полоть в огороде, возиться с телёнком и многое другое), но и в каких-то делах – заменой отцу. Например, обеспечивать, по мере моих возможностей, дом топливом. Так, я заимел небольшой топорик и хожу с ним по зиме в «низы» на болото, что ниже наших огородов. Там растёт редкая ольха, она совсем молоденькая, так как вырубается ежегодно и в основном - на

топливо. Там я нарубливаю маленькую, по своим силам, вязаночку, увязываю её и тащу на спине через заснеженные огороды в горку к своему дому. Затем рублю её на короткие отрезки, чтобы влезла в печку, и складываю на погребнице. Одного рейса моего хватает, чтобы маме один раз протопить печку и сварить еду. Но я всегда стараюсь, чтобы у меня был запас на случай пурги или ещё чего-нибудь.

Летом у меня другой источник горючего материала. Это коровы. Каждое утро деревенский пастух – на моей памяти это дед Стёпка со своим внуком, другим моим дружком Витькой - «Карханом», – гонят стадо коров по деревне на пастбище, а вечером – обратно. Если какой-то корове вздумалось оправиться, она делает это на ходу, оставляя на земле или траве лепёшки, которые за день-два солнечных дня прекрасно высыхают. Я периодически собираю их и уношу домой. Тут тоже, между прочим, запас нужен на случай дождей, но это больше зависит уже не от меня, а от коров.

Раньше иногда ходил с ребятами постарше в поле подальше от деревни, в места, называемые «Услонка», «Другой верх», «Падина» и другие, собирать для топки грубый бурьян, будылки подсолнечника и прочий «сушняк». Однажды набрали на большой и глубокий овраг, на дне которого хорошо были видны уложенные в ряд десятка два снарядов и рядом – несколько открытых и пустых ящиков. Видимо, ещё не успели убрать после недавней по тому времени войны. Ребята легли на край оврага и стали бросать вниз подсохшие комья земли и что попадётся под руку. Бросал, глядя на них, и я. А придя домой, похвастался увиденным. Результатом был запрет мамы на подобные походы.

Не всё время, конечно, были мы озабочены домашними делами. Играли в лапту, в «чижа», в «пристенок», носились просто по деревне. Футбол был на счету особом. Только начинал сходить снег, как уже кто-нибудь двое-трое из ребят обходили

дворы (имею в виду Моздовку и Хутор, у ребят другой части деревни – Села и Прулеповки – была своя команда), собирая по три рубля на футбольный мяч, и ехали за покупкой в Старый Оскол. Играть уходили в «Другой верх», там на одном из холмов была более-менее подходящая для игры площадка, раньше других освобождавшаяся от снега. Вдали от родительских глаз мы могли носиться по ней босиком (хотя мяч часто укатывался по склону вниз, где ещё лежал снег).

Немалое разнообразие вносили в нашу, ребячью, жизнь рассеянные по всей округе буровые вышки. Бурили «на воду», вели сейсморазведку, уточняли запасы железной руды. У молодых ребят-буровиков можно было разжиться стальной дробью для стрельбы из рогаток, резиновыми мешочками, куда они помещ

Лето 1956-го (картина пятая)

*...сперва, как воск со свеч,
Деревня моя таяла, менялась.
Всё шло под снос – дома, дворы, сады.
А техника уже вовсю вгрызалась
Во вскрышу, чтоб добраться до руды.*

Поэма «Шаги по руде»

Лето 1956 года было последним в истории Лебедей. Первые признаки их исчезновения стали проявляться для жителей села значительно раньше: куда-то стала уходить вода. Сначала высохли колодцы вблизи домов, затем дошла очередь до знаменитых «низов». Высохли даже никогда не замерзавшие ключи, что били веками из-под земли, питая водою всю округу. Часто теперь можно было слышать непонятное поначалу для большинства жителей села выражение «зона влияния